

3. Большинство существительных, обозначающих субъектов труда, выполняет номинативную функцию и содержит положительную оценку. Существительное «деляга» содержит в своем значении отрицательную оценку.

4. В анализируемых словообразовательных гнездах наблюдаются слова малоупотребительные в синхронии, выходящие из употребления, устаревшие.

5. Этимологическое гнездо у словообразовательных гнезд с исходными словами «трудиться» и «трудный» общее. Можно предположить, что процесс семантической декорреляции произошел не так давно, так как в словаре дается помета «сравните» (трудн(ый) — ср. труд). Словообразовательные гнезда со словами «раб» и «работать» также имеют общее этимологическое гнездо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (Макрокосмос). М., 1998. 236 с.
2. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 141-173.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
4. Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение картины мира // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 235-244.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1961.

*Ольга Борисовна ПОНОМАРЕВА —
доцент кафедры английского языка,
кандидат филологических наук*

УДК 801-541

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ И СЛИЯНИЕ СМЫСЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются различные трактовки основных понятий современной теории полисемии, разграничиваются понятия семантической деривации, полисемии и многозначности. Многозначность рассматривается как сущностное свойство языка, осуществляющее когнитивную, коммуникативную и поэтическую функции. Поэтическая функция многозначности реализуется с помощью конвергенции и взаимовлияния различных значений полисемного слова, создающих неоднозначность и слияние смыслов в идиостиле автора.

The article deals with the problems of polysemy, semantic derivation and ambiguity. Polysemy is treated as the inherent and the essential quality of the language performing cognitive, communicative and poetic functions. Poetic function of polysemy is realized through interdependence and convergence of various meanings of a polysemant word in the text thus making the idiosyle of the author ambiguous and polyphonic.

Важнейшим полем разработки современной теории полисемии является изучение различного рода преобразований как вариантов реализации потенциалов многозначного слова [1, 2, 3]. Отношение к многозначности формируется на фоне нескольких базовых оппозиций, касающихся устройства языка в целом. Это, в частности, такие оппозиции, как дискретность vs. градуальность, касающиеся статуса отдельного значения слова. Образуют ли разные значения слова

множество дискретных единиц или непрерывный континуум, в котором одно значение плавно переходит в другое? Является ли язык системой «чистых значимостей» в системе оппозиций или любое слово имеет единственный смысл, состоящий из бесконечного числа факторов (в частности, неповторимый индивидуальный опыт говорящего), что связано с проблемой идентификации смыслов [4: 20]. Многозначность, таким образом, рассматривается как сущностное свойство языка, служащее для выполнения его основных функций: **когнитивной, коммуникативной и поэтической**. Тем не менее необходимо развести понятия многозначности, полисемии и семантической деривации. Термин *полисемия* иногда рассматривается как синоним термина *многозначность* [1, 5, 6]. Под *полисемией* обычно понимают лексическую многозначность, в то время как термин *многозначность* не содержит этого ограничения. Полисемия рассматривается в рамках парадигмы, т. е. наличия в слове нескольких значений, в то время как многозначность может быть и синтагматической.

Способы представления многозначности различны:

1. Многозначность как иерархически упорядоченный или многоуровневый набор частных значений (толковые словари, Ю. Д. Апресян) [1].

2. Многозначность как множество частных значений с заданным отношением производности, связывающих их с исходным значением по схеме Е. Куриловича, или *семантическая деривация* (Е.В. Падучева, «семантические мосты» И.А. Мельчука и др.) [2, 3].

3. Многозначность как отношение инварианта (общего значения) и выводимых из него вариантов (частных значений), реализующихся в разных контекстах по схеме Р. Якобсона [7].

4. Многозначность слова как набор семантических компонентов или компонентов толкования в виде утверждений на семантическом метаязыке [8].

5. Многозначность слова как образ — схема или схематический образ (картинка), представляющая структуру многозначности с профилированием разных частей схемы в качестве центральных [9, 21, 22].

6. Многозначность как абстрактная схема с набором формальных операций ее логического преобразования [4].

Д. Н. Шмелев придерживался мнения, что семантическая деривация, являясь семантическим способом словообразования, рождает проблему производности. Рассматривая основные понятия словообразования и производности, Е. С. Кубрякова приводит термин «производное слово», которое представляет собой «единицу номинации со статусом слова независимо от структурной простоты либо сложности последнего». Данная единица вторична, то есть обусловлена другим знаком или их совокупностью [10: 5].

Производное слово связано с другим словом, более того, семантически обусловлено им. Э. Сепир, введя термин «словообразовательное значение», обозначил еще одну проблему в данной области лингвистики, так как она породила множество споров и дискуссий. Одни лингвисты отождествляют данное значение со значением словообразовательных морфем, другие же видят в них тот остаток, который получается вследствие вычитания значения мотивирующего слова из значения мотивированного слова. Третьи понимают под ним значение словообразовательных моделей.

Проблема переосмысления, другими словами, семантической деривации или инновации, определяется как наличие новых значений у уже существующих слов [11: 76]. В данном процессе имеющиеся в словаре языка лексические единицы либо полностью меняют свое значение, при немедленной утрате ранее существующих, либо семантическая структура слова, сохраняя все традиционные лексико-семантические варианты, обнаруживает еще один, принципиально новый.

По мнению В.Г. Гака, семантическая деривация — это частный случай полисемии, т.е. развитие смысла в диахроническом аспекте [12: 23].

Остановимся на связи производного и основного значения в полисемном слове. Многозначное слово образует некую организационную структуру, которая состоит из основного и нескольких производных значений. Появление производных значений можно объяснить тем, что в речи слова используются для наименования экстралингвистических объектов действительности - денотатов. Но в речи связь между именем и предметом устанавливается через сигнификат. За основу берутся свойства, выделенные у объекта, что позволяет говорящему подводить сигнификат под определенное понятие, обладающее соответствующим обозначением в данном языке. Объект, обладая множеством признаков, может получать в речи различные наименования, что и объясняет возможность изменения значения слова.

Необходимо добавить, что новые значения слова могут быть связаны лишь одним центральным значением или образовывать целый ряд значений, которые основаны на различных типах ассоциаций, благодаря чему сохраняется связь между первоначальным и производным значением. Связь между значениями многозначного слова предполагает сохранение в переносном значении того или иного признака, который объединяет это значение с первоначальным, хотя не предполагает тождества всей совокупности. Факторы, определяющие развитие полисемии, оказываются различными. Один из факторов является логическим — это наличие в понятиях общих признаков. Другие факторы — языковые. Это, во-первых, условия речевого употребления слова, которые могут способствовать развитию новых значений, во-вторых, влияние слов, имеющих сходство в сочетаемости. Для различных частей речи роль этих факторов может быть различной. Так, для существительных в развитии многозначности основным оказывается фактор логический, а в глаголе в большинстве случаев логическая связь между исходным и производным значением перекрывается влиянием синтактико-фразеологического окружения слова. Совмещение нескольких лексических значений в одном слове нередко осложняется добавочными стилистическими оттенками и требует особых ситуативных или контекстуальных условий для своего обнаружения [13: 131].

О. С. Сапожникова выделяет 3 типа структур многозначного слова:

- Многозначная структура как результат семантической деривации (house₁ - дом, здание; house₂ — семья, хозяйство).
- Многозначная структура как результат словообразовательной деривации (бомбардировщик — «бомбардировочный самолет» и «летчик бомбардировочной авиации», alligator₁ — млекопитающее, alligator₂ — человек).
- Многозначная структура как результат множественной мотивации Замена = действие (замена старых кадров). Замена = лицо (подыскивать себе замену) [14: 72-73].

Следует добавить, что факторы, которые определяют развитие полисемии, могут быть различными, а именно:

- логический фактор — наличие в понятиях общих смыслов;
- языковой фактор — наличие условия речевого употребления слова, способствующего развитию новых значений.

В традиционной лингвистике полисемное слово рассматривается как иерархия значений, главное из которых содержит все основные черты значения слова, а полисемия определяется основным значением. Все значения взаимосвязаны и группируются вокруг основного значения как смыслового стержня.

Традиционная лексикография, ориентированная на компонентный анализ, требует отнесения контекста к одному из выделенных значений многозначного

слова. Но, как утверждает А.Н.Баранов [6], встречаются контексты, для которых невозможно определить, какое из значений многозначного слова реализуется. В этой связи когнитивный подход позволяет не различать полисемию тогда, когда это не необходимо.

В когнитивной лингвистике центральное значение многозначного слова — прототип, базовая абстрактная категория. Основное значение многозначного слова — это некая ментальная схема для осмысления других типов ситуаций, которые могут быть подведены под данную схему. Таким образом, в традиционной лингвистике делается акцент на внутреннюю структуру языка, где язык выступает как автономная система; в то время как когнитивный подход объединяет мыслительную деятельность человека и процессы, происходящие в языке, где язык — средство познания реальности, отражающее когнитивные механизмы мышления.

В свете когнитивной лингвистики слово — часть понятийной системы человека, обусловлено опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению, с помощью слов концептуализация мира человеком находит свое языковое воплощение.

Именно слово и его значение — центральное поле, в котором можно выделить центр и периферию, более яркие или слабые признаки. Многозначное слово характеризуется размытыми границами как вовне (например, когда мы имеем дело с омонимами), так и внутри (между значениями одного того же слова). Когнитивная лингвистика рассматривает внутреннюю структуру многозначного слова как сетевую модель, элементы которой связаны между собой отношениями разной степени близости и природы [15, 16]. Развитие новых значений осуществляется постепенно, путем семантических сдвигов от одного значения к другому [10, 17, 18, 19].

В целом когнитивная лингвистика вносит значительный вклад в освещение сложнейших проблем семантики языковых форм, в уточнение самого понятия языкового значения и его неразрывной связи с человеческими знаниями, опытом и осмыслением окружающей нас действительности. Методы прототипической, фреймовой и композиционной семантики наряду с традиционными методами структурной лингвистики находят применение в попытках интерпретации и концептуализации мира человеком.

Понятие многозначности пересекается с понятием неоднозначности, имея в виду языковое выражение или речевое произведение при наличии у него одновременно нескольких смыслов [4]. При этом неоднозначность поэтического текста понимается как сосуществование множества различных осмыслений текста, как его ингерентное свойство, ведущее к созданию нового смысла [7]. Источником неоднозначности поэтического текста может быть совмещение значений [20] отдельных слов, словосочетаний и различных планов описания всего текста. Метафоры, аллюзии, игра слов (каламбур), актуализация внутренней структуры слова являются основными стилистическими средствами создания поэтической неоднозначности.

В качестве примера рассмотрим сонет № 135 В. Шекспира [23]. Первые строки сонета представляют собой игру слов Will (William Shakespeare) и will (wish): (1) «Whoever hath her wish, thou hast thy 'Will', And 'Will' to boot, and 'Will' in overplus; More than enough am I that vex thee still, To thy sweet will making addition thus.» Каламбурное обыгрывание одинакового звучания омонимов Will / will подчеркивает желание автора создать многоплановость сонета, основанную на значениях слова will (воля, желание, намерение, решимость). Своеволие возлюбленной, ее капризы, желание повелевать, держать «под каблуком» (to boot) своих многочисленных поклонников, включая и поэта, передано совмещением значений омонимов и синонимов слова will(Will), повторяющихся в каждой стро-

ке в различных словосочетаниях: «her wish; thy Will; 'Will' to boot; 'Will in overplus; thy sweet will; my will in thine; whose will is large and spacious». Упреки поэта на нежелание возлюбленной обратить внимание на его любовь (желание) переданы с помощью одновременного каламбурного использования модального глагола wilt (will) и многозначного существительного will: (2) «Wilt thou, whose will is large and spacious, Not once vouchsafe to hide my will in thine? Shall will in others seem right gracious, And in my will no acceptance shine?»

Неоднозначность и многоплановость создается и с помощью развернутого поэтического сравнения, также включающего оппозицию Will: will: (3) «The sea all water, yet receives rain still And in abundance addeth to his store; So thou, being rich in «Will», add to thy «Will» One will of mine, to make thy large «Will» more.» В последней строке наблюдаем особый вид поэтического совмещения значений, называемого «мерцанием» или «осцилляцией» [1], когда два или более значений присутствуют в слове, что создает эффект мерцания, основанного на одинаковом звучании и различии в значениях в слове Will/will.

В последних двух строках, звучащих как эпиграмма, «мерцание» переходит в «сплав», когда два различных слова или значения соединяются в одно, при этом их различие отчетливо ощущается, но появляется дополнительный смысл: (4) "Let no unkind, no fair beseechers kill; Think all but one, and me in that one «Will». В русском переводе С. Маршака одно из значений утрачено, хотя переводчик сохраняет значения слова will: (5) «Недобрым «нет» не причиняй мне боли. Желанья все в твоей сольются воле».

Совмещения значений могут быть самыми разнообразными в том или ином поэтическом тексте, нарушая «норму» употребления многозначных слов лишь в одном значении в определенном контексте, создавая эффект обманутого ожидания и реализуя авторские интенции, авторский эстетический код. Поэтическая функция многозначности осуществляется сложным взаимодействием, взаимовлиянием или конвергенцией различных значений полисемного слова, делающих поэтический текст многоплановым, полифоничным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Избр. Труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1994. 246 с.
2. Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3-23.
3. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл — текст». М., 1974.
4. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20-43.
5. ЛЭС — Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Баранов А. Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). В 2-х тт. М., 1993.
7. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102-117.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. 410 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
10. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 199 с.
11. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
12. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 23-35.
13. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Просвещение, 1972. 216 с. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 199 с.

14. Сапожникова О. С. К семантической систематизации коннотативного значения // Филологические науки. 2003 г. № 2 С. 72-73.
15. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68-78.
16. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т.59. № 3.
17. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.
18. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3-12.
19. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в среде словообразования // ИАН СЛЯ. 2002. Т. 61. № 1.
20. Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ. 2000. № 3.
21. Lacoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
22. Langacker R. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
23. William Shakespeare. *Sonnets*. St. Petersburg Azbooka-classic Publishing House 2001. 420 p.

*Ирина Советовна КАРАБУЛАНОВА —
зам. директора НИИ гуманитарных исследований,
доктор филологических наук, доцент*

УДК 81'373. 2

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИМЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СООБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы трансформации постсоветского ономастического пространства новых государств, отражающие процессы становления государственной идентичности.

The author tackles some issues of post soviet onomastic processes that take place in newly established states. In their turn these issues reflect the processes that help to bring forth and develop new state identity.

В современных условиях активного формирования новых независимых государств на пространстве бывшего Советского Союза мы наблюдаем рост осознания таких значимых этнических маркеров, как имена собственные. Так, в Казахстане с оформлением государственной независимости, наблюдается всплеск имен, характерных для казахского именника и спад так называемых интернациональных имен. Аналогичные процессы наблюдаются и на Украине, в Молдове, Узбекистане. В последнее десятилетие и в русском именнике России наблюдается возрождение старых русских имен (типа: Варвара, Никита, Данила, Серафима и т. п.). Кроме того, такие имена чаще стали использоваться в эргонимии (например, магазин женского белья «Маланья», мясомолочный комбинат «Велес» в России, но магазин женской одежды «Роксолана» на Украине и т. д.) и прагмонимии (конфеты «Варвара», «Мишутка» в России, но пиво «Оболонь» на Украине, конфеты «Кулагер» в Казахстане и т. п.), аналогичные процессы наблюдаются исследователями и в других странах постсоветского про-